

воззрения» и от напряженной философской жизни Западной Европы.¹⁰ Херасков, опираясь на христианское вероучение, облакает в поэтическую форму «моральную философию», традиция которой восходила к М. Монтеню, а затем была продолжена писателями-моралистами (П. Шаррон, Ф. Ларошфуко, Ж. Лабрюйер), религиозными мыслителями (А. Арно, П. Николь), философами (Ф. Бэкон, Б. Спиноза, Г. В. Лейбниц, К. Гельвеций, Б. Паскаль). Для философии такого рода характерны «внимание к движущим силам, мотивам и скрытым пружинам человеческого поведения, условиям человеческого существования вообще, достоинству человека, его назначению на земле, жизни и смерти, счастью и высшему благу людей».¹¹

Одним из первых литературных опытов Хераскова стал перевод небольшой поэмы Вольтера «Почерпнутые мысли из Екклесиаста» (М., 1765). В предисловии к нему Херасков писал: «Не покидая следов мудраго пророка, заимствовал я нечто от подражателя его, многое переменял и, что с нашим писанием нашел несходное, отставил». Это был вольный перевод в отношении тех вопросов, которые особенно волновали Хераскова. Он смягчил религиозный скептицизм Вольтера, опустил отдельные строфы, в которых звучали эпикурейские мотивы. Позднее Херасков неоднократно обращался к своему переводу, работал над его языком.¹² В 1779 году поэма была напечатана вторым, в 1786 году — третьим изданием, а затем включена Херасковым в VII том «Творений» (1796–1803), куда вошли произведения, прошедшие строгий авторский отбор. Перевод открывает этот том, как бы задавая интонацию для всего сборника. Заметим, что в 1796 году поэму Вольтера перевел Н. М. Карамзин. Впоследствии он также начинал этим переводом собрания своих стихотворений.

Екклесиаст — книга, автор которой «смотрит в лицо смерти».¹³ В ней утверждается, что земная жизнь с ее радостями и страданиями, успехами и неудачами, почетом и бесчестьем — все это «суета сует», бессмыслица, что личные заслуги человека не имеют никакого значения, ибо «время и случай» (Екк. 9 : 11) управляют ходом событий. «Участь сынов человеческих и участь животных — участь одна» — смерть (Екк. 3 : 19), а потому следует «есть и пить и наслаждаться добрым во всех трудах своих» (Екк. 5 : 17).

Екклесиаст — самая мрачная из библейских книг. Она лишена знания о бессмертии души и, значит, лишена надежды. Но Херасков не случайно обратился к этому тексту. Осознание хаоса и видимой бессмыслицы в окружающей действительности свидетельствует, что существует какая-то точка опоры вне этого порочного круга, являясь отправной точкой для размышлений над вопросом: «Для чего мы живем здесь, под солнцем?»

Утверждения Екклесиаста носят обобщенный характер. Вольтер в своей поэме, а вслед за ним и Херасков придали им личную форму. Это раз-

¹⁰ Зельковский В. В. История русской философии. С. 11, 13.

¹¹ Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. М., 1994. С. 213.

¹² Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978. С. 50–51.

¹³ Крифт Петр. Три толкования жизни: суета, боль, любовь // Мир Библии. 1995/1 (3). С. 19.